

Коровин¹

Как-то раз приносит к Коровину свои этюды один из учеников Студии Званцевой. Этюды как этюды, какие в большом количестве неизвестно для чего делают не только одни молодые, но даже опытные художники. При виде в порядке разложенных на полу аккуратных пейзажей, где-то много раз виденных, Коровин скучно переводил глаза с художника на работы, потом с работ на художника и, всегда щедрый на похвалы, теперь молчал. Потом, нервно подергивая плечами, художник заявляет:

– Я, Константин Алексеевич, работая над ними, беседовал с Богом.

Беседовать с Богом значило в то время – углубленное изучение природы...

Коровин нервно подергивался, всегда щедрый на похвалы, теперь резко, односложно заметил:

– Не так!

Когда ученик недовольно собрал этюды и ушел, Коровин желчно разразился:

– Вот болван. Он беседовал с Богом, а Бог-то захотел ли беседовать с ним. Дурак!

Коровин тотчас же быстро смахнул с лица набежавшее выражение досады как человек, не привыкший надолго задерживать в себе что-либо неприятное, что могло бы испортить день или весеннее настроение. Обратился ко мне:

– Не хотите ли поехать со мной в Б[ольшой] театр²? – Нда-да.

У дома, где он жил, уже стоял нанятый им помесечно рысак.

Оставив меня в буфете, Коровин куда-то исчез, вероятно ушел в кулисы. Я сидел один среди незнакомых мне актеров, в табачном дыму, в новом для меня мире после привычного Худ[ожественного] театра³, в чужой мне атмосфере актеров, скучал, томился как вдруг он, Коровин, с тем же молодецким выражением:

– Пойдем смотреть декорации.

Из третьего ряда в пустом зрительном зале мы смотрели

на сцену: первый акт – ряд кисейных занавесей, сначала плотной массой, потом постепенно разреженных до последней как бы пелены тумана – и розовый восход постепенно заливал горы⁴. Демона нет. Но Демон будет в другой раз, на другой репетиции – исключительный Демон, ради которого здесь переделывают все декорации, – Демон Шалапина⁵. Смотрим второй акт, третий. Коровин, как мне кажется, из интереса спрашивает мое мнение, соглашается с ним, хочет переделать кое-что, но мне скучно. Мне хотелось бы поговорить с ним опять о том же, о декорационной работе в каком-либо из тех театров, где он является как бы полновластным хозяином. Но он, чувствуя это, как всегда, искусно увильивает, а если я все же схватываю его, он снова отшучивается.

– Ну зачем вам декорации. Вы же – портретист. Декорации это наше дело.

Спустя некоторое время он... вероятно для успокоения, говорит мне:

– Хорошо, я дам писать вам задник к Буре⁶.

Я стараюсь поверить ему, терпеливо жду, но наконец... неожиданно как-то раз он говорит:

– Поедем в Строгановское училище.

И опять, как раньше, лихач, мы мчимся в Строгановское учил[ище]. Поднимаемся по лестнице, и вот перед нами – Глоба. Директор как полагается быть директорам того времени, а этому в особенности, ведь он состоит чем-то при в[еликом] князе Сергее А[лександровиче] – холодно-величавый, едва достаивающий взглядом. Смотрит на меня и Коровина вопрошающе, хотя хорошо знает, зачем мы приехали. Коровин, привыкший сразу находить тему разговора, тут почему-то оказался малонаходчивым и даже, как мне показалось, недовольным собой за свою затею и недовольным мной неизвестно за что.

– Да, но может ли Ульянов преподавать гуашь? – спрашивает Коровина Глоба.

Я рассчитывал получить место по классу рисования и ответил:

– Гуашью я не работал.

Глоба ничего не ответил, и было видно, что «аудиенция»

окончилась. Коровин на улице несколько минут молчал, потом недовольно сказал:

– Конечно! Ваше лицо... Ему не понравилось ваше лицо. Все ясно...

Я вздрогнул. Коровин упрекал меня за мое лицо. Это было неделикатно, но по крайней мере простодушно и на этот раз бесхитростно. Такая бесхитрость бывает у деревенских мужиков, а та внешняя светскость, которую Коровин старательно напускал на себя, спала, едва дело коснулось дела по существу.

Коровин в разное время по-разному беседовал с Богом, но чем дольше затягивалась эта беседа, тем легкомысленнее [становилась. – Л.П.]. Теряя уважение к своей профессии, он (фраза не закончена. – Л.П.) Уже не большое художество его занимало теперь, а большие возможности, предоставляемые этим художеством в случае его хорошей, умелой реализации. Дом на Волге⁷, дом в Крыму⁸, в Москве, одновременно две студии, куда Коровин даже не заглядывает.

Хорошую картину всякий дурак напишет, а вот хорошо продать ее – это очень трудно. И помню, как он радовался, когда купчиха Терещенко⁹, заглянув на выставку Союза¹⁰, купила всю стену с этюдами и картинами Коровина.

Примечания

¹ С К.А.Коровиным Н.П.Ульянов познакомился еще во время занятий в МУЖВЗ, где Константин Алексеевич вместе с В.А.Серовым руководил портретной мастерской. С 1901 года они вместе работали в школе Е.Н.Званцевой. Над воспоминаниями о К.А.Коровине Н.П.Ульянов начал работать во время эвакуации в Закавказье и Среднюю Азию. Сохранилось лишь несколько фрагментов текста в дневниках художника. – Частн. собр., Москва.

² Первые шаги на поприще театральной декорации К.А.Коровин сделал, оформляя вначале домашние спектакли в Абрамцеве, имени С.И.Мамонтова, затем он оформлял спектакли Русской Частной оперы. С 1899 года работал для Императорских театров, в 1903 назначен художником и библиотекарем московской конторы Императорских театров, в 1910 – главным декоратором и библиотекарем.

³ В 1904 году Н.П.Ульянов по приглашению К.С.Станиславского часто присутствовал на репетициях в МХТ. Подробнее см.: наст. изд., Станиславский, примеч. 15.

⁴ В описании декорации к первому акту оперы А.Г.Рубинштейна «Демон» Ульянов не совсем точен, поскольку действие в нем происходит ранним вечером.

⁵ Опера А.Г. Рубинштейна «Демон» была поставлена в Большом театре в Москве специально для бенефиса Ф.И.Шаляпина. Премьера состоялась 16 декабря 1904 года.

⁶ В 1905 году на сцене Малого театра в Москве была показана сказка-феерия В.Шекспира «Буря» в оформлении К.А.Коровина. Зограф, биограф А.П.Ленского, который был режиссером спектакля, отмечает, что «удачей спектакля было применение тюлевых занавесов, которые создавали иллюзию мягких постепенных переходов на глазах у зрителей или, наоборот, резкой неопределенной смены картины». Однако он всецело ставит применение такого приема в заслугу Ленского, не принимая во внимание, что Коровин использовал его еще в «Демоне».

⁷ В 1902–1903 годах К.А.Коровин приобрел участок недалеко от станции Итларь. Он писал в своих воспоминаниях: «Я построился в лесу, близости от речки Нерли. У меня был чудесный новый дом из соснового леса» (Константин Коровин вспоминает... М., 1990. С. 200).

⁸ К.А.Коровин вспоминает: «В Крыму, в Гурзуфе, у моря, я построил себе дом в четырнадцать комнат. Дом был хороший. Когда вы просыпались, то видели розы с балкона и синее море. Впрочем, как ни прекрасен был Гурзуф, но я все же любил больше мой деревенский дом, среди высоких елей моей прекрасной родины» (там же. С. 235).

⁹ Терещенко – семья известных сахарозаводчиков. Терещенко Иван Николаевич (1857–1903) – крупный киевский коллекционер русской и западной живописи, меценат. После революции его коллекция вошла в состав Киевского государственного музея русского искусства. Терещенко Михаил Иванович (1886–1956) был министром финансов, затем министром иностранных дел во Временном правительстве. После 1917 года в эмиграции. Не удалось установить, о родственнице кого из них идет речь. Возможно, это Е.М.Терещенко, из собрания которой «Портрет артиста Федора Ивановича Шаляпина», 1911 поступил в ГРМ.

¹⁰ Речь идет о выставке Союза русских художников.